

Я К О В Г О Р Д И Н

КАВКАЗСКАЯ АТЛАНТИДА

300 ЛЕТ ВОЙНЫ

Яков Гордин
КАВКАЗСКАЯ АТЛАНТИДА
300 лет войны

Серия «Диалог»

16+

Российско-кавказская драма — одна из самых ярких и горьких в нашей истории. Тяжелая война, истоки которой уходят во времена Персидского похода Петра I (1722 год), длившаяся шестьдесят лет в XIX веке и мощной подземной рекой вышедшая на поверхность в конце века XX, во многом определила судьбу России. Активный участник и историк завоевания Кавказа генерал Ростислав Фадеев писал в 1860 году: «Наше общество в массе не сознавало даже цели, для которой государство так настойчиво, с такими пожертвованиями добивалось покорения гор». Вряд ли ситуация принципиально изменилась и сегодня. О явных и подспудных причинах самой длительной в русской истории войны, не окончившейся и по сию пору, о парадоксальных взаимоотношениях «русских кавказцев», людей особой породы, и кавказских горцев, тоже по своему уникальных людей, порожденных этой войной и вовлеченных в общую трагедию, рассказывает эта книга. Мифологическая Атлантида исчезла бесследно. Резкие контуры Кавказской Атлантиды — загадочного материка Кавказской цивилизации и Кавказской войны — еще просматриваются нами. Нужно лишь напрячь интеллектуальное зрение, и мы многое увидим и осознаем.

Второе издание книги дополнено обширным списком литературы о кавказских войнах, статьей «Войны, офицеры, история» и несколькими десятками иллюстраций.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Россия вступила в двадцать первый век и третье тысячелетие, унося с собой опасно тлеющую Кавказскую проблему — трагический конфликт с трехсотлетней историей, считая от похода Петра I на Каспий в 1722 году.

Западный мир вступает в двадцать первый век и третье тысячелетие, влача за собой более чем тысячелетнюю историю противоборства с агрессивным исламом. Причем со второй половины прошлого столетия мы имеем дело с исламским реваншем, и никакая политкорректность не должна нам мешать трезво сознать это.

С тех пор, как в середине VII века недавно обратившиеся в ислам, исполненные молодой энергии арабы начали наступление на форпост западного мира — Византию, этот натиск не ослабевал до XVIII века.

В начале VIII века арабы завоевали Испанию и двинулись на Францию — под угрозой оказалась вся христианская Европа. И когда в 732 году Карл Мартелл при Пуатье остановил завоевателей, то это была лишь передышка.

Яростная попытка контрнаступления — два века крестовых походов — успеха не принесла. Боевую эстафету приняли турки-османы, разгромившие Византию, захватившие Балканы, в конце XVII века доходившие до Вены, которую спас польский король Ян Собеский...

За прошедшее тысячелетие исламский мир сделал колоссальные успехи во всех областях культуры, в средние века значительно опережая Европу. В этом мире шла бурная духовная жизнь. Турецкая и Персидская империи охватили гигантские пространства, контролировали важнейшие морские пути. (Оставим в стороне державу Тимура и Золотую Орду).

С XVIII века началось обратное движение. Австрия, Венеция, Польша далеко раздвинули свои границы за счет Турции. Россия раз за разом громила турецкие армии. Попытка султана Махмуда II, расстрелявшего в 1826 году из пушек янычарские полки — оплот фундаментализма, — начать европеизацию успеха не принесла. Турция под напором России и внутренних неурядиц стремительно превращалась из сверхдержавы в третьестепенное государство. С Персией это произошло еще раньше. И та, и другая великие некогда исламские державы стали пешками в общеевропейской игре, в частности — в сложных интригах

Англии и Франции против России, стремившейся утвердиться в Азии.

В первой четверти XIX века из всех европейских пограничий ислам был подкреплён мощным боевым духом только на Кавказе. Не в последнюю очередь потому, что там ислам был сравнительно молод, а в Чечне очень молод. Среднеазиатские ханства, дряхлые деспотические образования, в военном отношении не шли ни в какое сравнение с вольными горскими обществами Кавказа.

Но роковое соревнование Европы и исламского мира было соревнованием отнюдь не только военно-техническим. Это было и соревнованием духовных энергий. И в новое время Европа стала побеждать прежде всего именно в этом соревновании.

«Дряхлый Восток» — скажет Лермонтов в программном стихотворении «Спор». А Ростислав Фадеев, один из идеологов завоевания Кавказа, напишет в 1860 году:

«Мусульманство прокатилось по земле огненным потоком и теперь еще производит страшные пожары в местах, куда оно проникает вовне, чему примером служит Кавказ. <...> Для России Кавказский перешеек вместе и мост, переброшенный с русского берега в сердце азиатского материка, и стена, которою заставлена Средняя Азия от враждебного влияния, и передовое укрепление, защищающее оба моря: Черное и Каспийское. Занятие этого края было первой государственной необходимостью. Но пока русское племя доросло до подошвы Кавказа, все изменилось в горах.

Выбитый из европейской России, исламизм работал неутомимо три века, чтобы укрепить за собой естественную ограду Азии и мусульманского мира — Кавказский хребет, — и достиг цели. <...> Вместо прежних христианских племен мы встретили в горах самое неистовое воплощение мусульманского фанатизма. Шестьдесят лет длился штурм этой гигантской крепости: вся энергия старинного мусульманства, давно покинувшая расслабленный азиатский мир, сосредоточилась на его пределе, в Кавказских горах. Борьба была неистовая, жертвования страшные».

Генерал Фадеев как исторический и политический мыслитель — фигура далеко не безусловная. Его ретроспективный взгляд целиком определен конкретными имперскими задачами текущего момента. Но в данном случае его наблюдения во многом соответствуют реальности. В XIX веке непреклонное сопротивление кавказских горцев в смысле историческом (было, разумеется, и еще множество других аспектов) явилось арьергардным боем ислама.

Ислам отступал. Постепенно Англия и Франция колонизировали страны, которые были наследницами великих арабских халифатов и Блистательной Порты, они вместе с Россией распоряжались с унижительным высокомерием судьбами Турции и Ирана. Унижение — вот, пожалуй, ключевое слово. Унижение и мощная историческая память о былом величии — опасная смесь. В любой общности находятся радикальные группы, которые преобразуют эту смесь в политическое действие.

Когда я говорю об исламском реванше, я имею в виду именно эти группы, в которых — как некогда в кавказских горах — сосредоточилась энергия униженного и оскорбленного исламского мира. Иногда эта иррациональная, с прагматической точки зрения, энергия охватывает весьма значительные массы людей. Мы наблюдали это в хомейнистском Иране. Когда униженная общность не может отстоять свое историческое достоинство средствами современными, то в ход идет идеализированное прошлое. И тогда происходящее, кажущееся абсурдным для одной стороны, оказывается фундаментально мотивированным для другой. Радикал-исламист живет вовсе не в том психологическом пространстве, что средний европеец, и любые патерналистические поползновения только усугубляют ощущение исторической обиды.

Исторический процесс — целен. Можно в параллель физическому закону сохранения энергии вывести исторический закон сохранения энергии.

Потомки сталкиваются с тяжкими последствиями событий, которые стимулировали их отдаленные предки. Такова расовая проблема в США. Такова проблема исламского радикализма. Такова проблема Кавказа для России.

Аятолла Хомейни и бен Ладен отнюдь не просто властолюбивы и тем паче вовсе не безумцы. Они люди принципиально иного мировидения, и потому состязание с ними с позиций европейской логики — бессмысленно.

Путь преодоления нарастающего конфликта миропредставлений, который перетекает в следующее тысячелетие, будет долог и тяжел. И одно из неперменных условий его преодоления — трезвая оценка реальности. Как показывает опыт великой Кавказской войны, дефицит этой трезвости неизбежно усугубляет трагичность ситуации.

10 августа 1837 года начальник военно-походной канцелярии командующего Кавказским корпусом отправил

своему командующему генералу Розену «секретное отношение»:

«Государь Император по всеподданнейшему докладу отношения Вашего Высочайшего Высочайшего от 22 минувшего июля № 732, о взятии отрядом, под начальством генерал-майора Фези состоящим, укрепленного селения Тилитли, после чего дагестанский изувер Шамиль сдался, приняв присягу на подданство России и выдав аманатов, — Высочайше поручить мне соизволил уведомить Ваше Высочайшее Высочайшее, что Его Величеству благоугодно, дабы сделаны были Шамилю и главным его сообщникам внушения воспользоваться прибытием Его Величества в Закавказский край и испросить милости предстать перед лицом Самого Монарха, дабы лично молить о Всемилоостивейшем прощении, и принеся со всей искренностью раскаяние в прежних проступках, изъявить чувство верноподданической преданности».

В свете реальной ситуации, которая сложилась тогда на Кавказе, «секретное отношение» представляется документом анекдотическим, построенным на целой цепи заблуждений. Генерал Розен принял хитроумные маневры Шамиля, попавшего в тяжелое военное положение, за чистосердечное желание стать российским подданным, а Петербург со своим уровнем осведомленности и понимания требовал, чтобы «дагестанский изувер» Шамиль явился пасть в ноги императору Николаю, вымаливая прощение. Шамиль, между тем, активно собирал силы для продолжения войны, каковую он и вел еще — и часто весьма успешно — двадцать два года. Самые тяжкие поражения русской армии на Кавказе были впереди...

В середине 1830-х годов, когда Шамиль стал имамом, а Кавказская война отнюдь не выглядела завершенной, в штабе командующего Кавказским корпусом, а в Петербурге — в военном министерстве — активно разрабатывались планы расширения завоеваний, движения через Среднюю Азию навстречу англичанам, осваивавшим Индию. В том, что Средняя Азия будет рано или поздно завоевана, ни Петербург, ни кавказское командование не сомневались. Ермолов отправлял разведывательные экспедиции с целью рекогносцировки будущего театра военных действий. Активен был и Генеральный Штаб. Талантливый военный, соученик и приятель Пушкина по Лицею Вольховский не один год провел в подобных же экспедициях, что, кстати говоря, спасло его, последовательного члена всех

декабристских тайных обществ, от каторги — в 1825 году он был в Азии.

Имперская мысль стремительно обгоняла реальные возможности государства.

В начале 1835 года в Тифлис прибыли два афганца, представившиеся посланцами кабульского правительства, которым поручено вести переговоры о сближении с Россией. Они были приняты со всей серьезностью. Но вскоре стало ясно, что полномочия их сомнительны. Тот же Вольховский, ставший к этому времени начальником штаба Кавказского корпуса, писал находившемуся в отъезде командующему корпусом:

«Авганцы, в предупреждение воли Вашей, содержатся так хорошо, как только можно в их положении. Мирза живет у Оленича в загородном доме, при коем приятный сад. Хан переведен из Прибиля дома в квартиру Потоцкого, хорошо устроенную и при коей тоже садик, недостатка они ни в чем не терпят и продовольствуются роскошно; только не могут никуда выходить, ибо сие было бы общественным соблазном. Коль скоро слухи пошли о их подлоге, то в народе начали их называть разбойниками. <...> Притом, если позволить им ходить по городу, то весьма возможно, чтобы они сделали попытку убежать».

Тем не менее, штаб корпуса извлек из пребывания сомнительных послов, но несомненных афганцев, максимум пользы. Штабс-капитану Стишинскому было поручено подробнейшим образом расспросить их, и на основании этих расспросов с добавлением сведений, почерпнутых из европейской литературы об Афганистане, Стишинский составил подробную «Записку об афганцах», содержащую любопытные пассажи. Саких афганцев «Записка» характеризует так:

«Афганцы, как и все горные жители, крепкого сложения, стройны, имеют выразительные черты лица, мужественный вид и вообще воинственный характер; смелы, склонны к перенесению военных трудов, любят дикую свободу, склонны к хищничеству, привязаны к обычаям и предрассудкам своих предков».

Обстановка в Афганистане описывалась как крайне нестабильная и провоцирующая на внешнее вмешательство. При чтении «Записки» трудно избавиться от ощущения, что она описывает будущее поле действий русской армии.

И это было только начало внимательного профессионального интереса российских военных к

Афганистану, который на протяжении XIX века не раз приближался к черте, за которой начиналась прямая экспансия, а в XX веке кончился изнурительной войной...

Российское имперское сознание на протяжении столетий с гибельным упорством воспроизводило одни и те же стереотипы, ложившиеся в основу тактики и стратегии по отношению к Кавказу. Современный исследователь так описывает действия Красной Армии, подавлявшей сопротивление на Кавказе в 1920 году:

«Они же (части Красной Армии. — Я. Г.) перекрыли границу с Грузией, откуда по горным тропам поступали так необходимые повстанцам боеприпасы (оружия в Дагестане всегда хватало). Красная Армия заняла сначала равнинные районы Дагестана и Чечни, а затем стала медленно продвигаться в горы. Боевые действия продолжались вплоть до лета 1921 года, когда оставшиеся формирования повстанцев рассеялись по недоступным горным ущельям и пещерам. Сопротивление тем не менее продолжалось: не прекращались убийства советских работников, коммунистов и милиционеров».

Эта схема, вполне соответствующая сегодняшнему дню, воспроизводит и ситуацию на протяжении XIX века. Беда в том, что центральные власти постоянно шли простейшим путем, делая основную ставку на военное подавление. Попытки как дореволюционной, так и советской власти учитывать народные традиции и опираться на местных лидеров были непоследовательны и противоречивы.

Историк и философ Георгий Федотов писал в 1937 году: «Кавказ никогда не был замирен окончательно». И это было правдой. Но главная опасность состояла в том, что российские власти после периодов обострения настойчиво убеждали себя и мир в обратном. И не утруждали себя поисками реального и прочного выхода из трагического конфликта, существовавшего перманентно с разной степенью интенсивности. Компетентное научное издание «Чеченский кризис» в 1995 году сообщало:

«Историки знают, что нынешний конфликт был не единственным “военным решением чеченского вопроса” в XX веке. Первая крупная операция “по усмирению” Чечни была проведена частями Красной Армии летом 1922 года. В ее ходе было изъято несколько сотен винтовок и три пулемета, а также сожжено несколько домов “бандитов”. Три года спустя в такой же операции участвовало 6 тыс. бойцов Красной Армии. С 23 августа по 12 сентября 1925 года были осуществлены воздушные

бомбардировки 16 населенных пунктов и более 100 подвергнуты артиллерийскому обстрелу, сожжено 119 домов “бандитского элемента”. Было изъято 25 тыс. винтовок и более 4 тыс. револьверов. В декабре 1929 года Красной Армии и ГПУ вновь пришлось подавлять восстание чеченцев при поддержке броневигов и авиации».

Восстания в Чечне с их кровавым подавлением продолжались с мрачным постоянством до 1944 года. Уже в 1938 году в Чечне повстанцы провели 98 боевых операций, носящих политико-криминальный характер. Было убито 49 руководящих советских работников.

Во время войны войска ГПУ в Чечне в ходе карательных операций уничтожили около 20 тыс. повстанцев. И это при том, что большая часть мужского населения была на фронте...

После победы у власти была уникальная возможность опереться на фронтовиков-чеченцев, волею обстоятельств включившихся в общесоевое братство, но сталинский режим пошел проторенным путем, превзойдя в жестокости все уже бывшее...

Попытки имперской власти с топорным упорством навязать Чечне и всему Кавказу несвойственные ей правила существования лежат в общем контексте взаимоотношений европейской политической цивилизации с миром неевропейским. В частности, с миром исламским. Но если во второй половине XX века западные страны перешли к более гибкой системе отношений, то Россия, как и во многом другом, тяжело запоздала. Окостеневшая советская система, рухнув, поставила новую демократическую власть перед необходимостью немедленно найти новую систему взаимоотношений с Кавказом — взамен выработанной веками. Новая власть, слишком много унаследовавшая от прежней, по сей день с этим не справилась.

Как не справилась с этой задачей в свое время и пришедшая к руководству после 1996 года новая сепаратистская элита, сумевшая только лишь воспроизвести повстанческую политико-криминальную модель поведения.

И та, и другая стороны оказались в плену гибельных стереотипов...

Историческая память как отдельных людей, так и больших общностей имеет одно опасное свойство — она фрагментарна. Национальная вражда и сепаратизм, радикальные формы культурного и государственного самоопределения слишком часто есть результат этой фрагментарности. Только сильные и подготовленные умы

способны охватить картину в целом. Эта категория людей называется просветителями.

Одна из фундаментальных задач России на будущее столетие — «выращивание» этой категории. Ни самодержавное, ни коммунистическое государства, агрессивно предлагавшие гражданам свою принципиально фрагментарную модель прошлого, не были заинтересованы в существовании этой категории и всячески ее подавляли. Построенные одно на мифе, другое на вульгарной лжи, эти государства более всего боялись именно выявления общей и объективной картины прошлого, ибо восприятие такой картины неизбежно разрушало представление о власти как о справедливой и законной.

Христианство и ислам — великие системы миропредставления. И та, и другая на протяжении столетий выбрасывали из себя смертоносные протуберанцы радикализма. Христианству удалось справиться со своими крайностями, исламу — нет. Причины понятны. О них уже шла речь. Победоносные христианские державы давно оправились от унижений арабского и османского напора. Побежденный исламский мир мучительно изживает это чувство и, судя по всему, не скоро изживет. В своем самовоспитании его радикалы используют фрагментарные представления об истории, действующие как возбуждающий наркотик.

Надо сказать, что это относится и вообще к народам, испытавшим пусть даже в отдаленные периоды своего существования национальное унижение. Тут можно вспомнить сербов, несколько столетий живших под властью османов. Да и в судьбе России, до brutального XVIII века изживавшей травму монгольского владычества, эта жажда компенсации сыграла немалую роль.

Или XXI век станет веком выравнивания исторических представлений, их сближения у бывших противников, — для чего необходимо сознательное встречное движение обеих сторон, — или интенсивность исламского радикализма будет возрастать, ломая судьбы стран и народов.

Взаимоотношения России и Кавказа — направление их развития в ближайшие годы — станут важнейшим индикатором для XXI века.

ЧТО УВЛЕКЛО РОССИЮ НА КАВКАЗ?

заметки об идеологии кавказской войны

Император Николай <...> неизменно соблюдает правило вести одновременно лишь одну войну, не считая войны Кавказской, завещанной ему и которую он не может ни прервать, ни прекратить...

Лунин

В конце шестидесятых годов XIX века, когда Кавказская война была завершена, а грядущие мятежи горцев еще не начались, когда обществом и государством владела иллюзия полной решенности проблемы, автор знаменитой книги «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский писал:

«Возьмите для примера хоть поселения русских на Кавказе. К благословенным ли странам Кавказа стремится русский народ, предоставленный собственной воле? Нет, для него Сибирь имеет несравненно более привлекательности»^[1].

Данилевский, безусловно, был в этом вопросе лицом компетентным. Чиновник департамента сельского хозяйства, он изъездил вдоль и поперек всю Россию.

Ту же мысль, но уже на собственно исторической основе, сформулировал и уточнил первый историк-исследователь в точном смысле слова — в отличие от историков-летописцев Кавказской войны Н. Ф. Дубровина, В. А. Потто, А. Зиссермана — М. Н. Покровский. В начале XX века он писал в работе «Завоевание Кавказа»:

«Война с горцами — Кавказская война в тесном смысле — непосредственно вытекала из этих персидских походов: ее значение было чисто стратегическое, всего менее колонизационное. Свободные горские племена всегда угрожали русской армии, оперировавшей на берегах Аракса, отрезать ее от базы»^[2].

Данилевский, пожалуй, в силу своего жизненного опыта и знания крестьянской России, глубже взглянул на проблему. Колонизационные мечты у правительства российского были, но вот насколько естественна была эта колонизация — в отличие от совершенно естественной колонизации Сибири — вопрос другой.

В феврале 1792 года в ответ на предложение командующего Кавказской линией генерала Гудовича переселить на земли близ Терека десять тысяч государственных крестьян Екатерина отвечала:

«Касательно переселения государственных крестьян малоземельных из внутри России рассуждаем, что когда строением крепостей по линии земли сии закрыты будут и хлебопашцам доставится безопасность и спокойствие, тогда сами собою, без убытков казне, и помещики, и государственные крестьяне мало-помалу станут переносить жительства свои в сию привольную страну и вскоре, выходя из малоземельных наместничеств, заселят оную к пользе и выгодам собственным и государственным»^[3].

Никто не думал в 1792 году, что мир и спокойствие в этих местах — и то относительные — установятся через столетие...

Надо отдать должное М. Н. Покровскому — он отметил чрезвычайно важную черту кавказской драмы. Неколониционный смысл завоевания Кавказа, принципиально отличающий эту акцию от всех других экспансий Московской Руси и России, делает анализ ситуации особенно сложным.

Завоевание Казанского, Астраханского и Крымского ханств с прилегающими территориями имело многообразное значение. Во-первых, происходило устранение военно-стратегической опасности, ликвидация плацдармов, с которых совершались или могли в любой момент совершаться вторжения на собственно российскую территорию. Во-вторых, эти войны имели ясный оттенок реванша за причиненные некогда Ордой страдания и унижения, что создавало благоприятный психологический климат в русских войсках. И в-третьих, в состав государства включались весьма соблазнительные для колонизации земли.

Основная территория Северо-Восточного Кавказа, где и разворачивались решающие события российско-кавказской драмы, особенно Дагестан, — вовсе не прельщала переселенцев из России. Даже если бы она вдруг оказалась свободна от коренного населения. Это — не Крым и не Поволжье.

К Кавказу XVIII — начала XIX века неприменим знаменитый тезис Ключевского о колонизации как одном из главных факторов русской истории. Описывая колониционный процесс, Ключевский в первом томе своего

«Курса русской истории» упоминает и Кавказ, но, в отличие от других названных им районов — Туркестана, Сибири, не приводит никаких конкретных цифр. И не случайно. Данилевский был прав, когда оговорился относительно переселения по «своей собственной воле». Основная масса переселенцев в Предкавказье, в том числе и казаков, была помещена туда директивным путем — для закрепления и охранения территории.

Ответы на вопросы: в чем истинный смысл завоевания Кавказа? чем оправданы колоссальные жертвы, приносимые страной ради этого завоевания? есть ли иные пути решения кровавого кризиса? — были столь туманны и противоречивы, что длительное время официальные публицисты и государственные мужи не рисковали даже их ставить.

Как всегда бывает в подобных случаях, проблемой занялись аутсайдеры. Причем, главным образом, это были люди, по тем или иным причинам не имеющие возможности прямо влиять на события.

Пожалуй, впервые ясно и недвусмысленно наиболее радикальное решение очертил Пестель в подпольной «Русской правде».

В первой главе своей конституции — «О земельном пространстве государства» — революционер-государственник, говоря о землях, которые необходимо присоединить к России «для твердого установления Государственной безопасности», утверждал:

«Касательно Кавказских земель потому что все опыты, сделанные для превращения горских народов в мирные и спокойные соседы, ясно и неоспоримо уже доказали невозможность достигнуть сию цель. Сии народы не пропускают ни малейшего случая для нанесения России всевозможного вреда, и одно только то средство для их усмирения, чтобы совершенно их покорить; покуда же не будет сие в полной мере исполнено, нельзя ожидать ни тишины, ни безопасности, и будет в тех странах вечная существовать война. Насчет же приморской части, Турции принадлежащей, надлежит в особенности заметить, что никакой нет возможности усмирить хищные горские народы кавказские, пока будут они иметь средство через Анапу и всю вообще приморскую часть, Порте принадлежащую, получать от турок военные припасы и все средства к беспрестанной войне»^[4].

Во второй главе — «О племенах Россию населяющих» — Пестель решительно развил свои соображения:

«Кавказские народы весьма большое количество отдельных

владений составляют. Они разные веры исповедуют, на разных языках говорят, многообразные обычаи и образ управления имеют и в одной только склонности к буйству и грабительству между собой сходными оказываются. Беспредельные междоусобицы еще больше ожесточают свирепый и хищный их нрав и прекращаются только тогда, когда общая страсть к набегам их на время соединяет для усиленного на русских нападения. Образ их жизни, проводимой в ежевременных военных действиях, одарил сии народы примечательной отважностью и отличной предприимчивостью; но самый сей образ жизни есть причиной, что сии народы столь же бедны, сколь и мало просвещенны. (Обратим внимание на этот момент! — Я. Г.) Земля, в которой они обитают издревле, известна за край благословенный, где все произведения природы с избытком труды человеческие награждать бы могли и который некогда в полном изобилии процветал, ныне же находится в запустелом состоянии и никому никакой пользы не приносит, оттого что народы полудикие владеют сей прекрасной страной. Положение сего края сопредельного Персии и Малой Азии могло бы доставить России самые замечательнейшие способы к установлению деятельнейших и выгоднейших торговых сношений с Южной Азией и следовательно к обогащению государства. Все же сие теряется совершенно оттого, что кавказские народы суть столь же опасные и беспокойные соседи, сколь ненадежные и бесполезные союзники. Принимая к тому в соображение, что все опыты доказали уже неоспоримым образом невозможность склонить сии народы к спокойствию средствами кроткими и дружелюбными, разрешается Временное Верховное Правление:

1) Решительно покорить все народы живущие и все земли лежащие к северу от границы, имеющей быть протянутой между Россией и Персией, а равно и Турцией; в том числе и приморскую часть, ныне Турции принадлежащую.

2) Разделить все сии Кавказские народы на два разряда: мирные и буйные. Первых оставить в их жилищах и дать им российское правление и устройство, а вторых силой переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям, и

3) Завести в Кавказской земле русские селения и сим русским перераздать все земли, отнятые у прежних буйных жителей, дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую»^[5].

Жестокий радикализм Пестеля, поражающий при чтении этих страниц, вовсе не уникален. Достаточно вспомнить взаимоотношения Англии и Ирландии сразу после Английской революции и беспредельную жестокость

Кромвеля, буквально утопившего Ирландию в крови. Причем и государственный пафос, и основная аргументация Кромвеля и вообще идеологов колонизации Ирландии чрезвычайно близки к пафосу и аргументации Пестеля.

Нужно помнить, что Пестель писал это в 1824 году, когда активный период Кавказской войны длился около четверти века и действительно были испробованы различные способы замирения горских обществ. В 1824 году ситуация на Северо-Восточном Кавказе была сравнительно спокойной, но пронзительный ум Пестеля точно оценил это спокойствие. В 1825 году восстала вся Чечня и была подавлена Ермоловым. Но Кавказ уже стоял на пороге мюридизма.

«Русская правда» — документ, дающий обширное поле для размышлений. Пестелевская железная конституция продолжает суровую традицию утопических проектов, восходящих к «Государству» Платона, проектов, оперирующих логическими императивами и абсолютно игнорирующих как человеческую природу, так и права отдельной личности.

Но в подходе Пестеля к кавказской проблеме есть одно печальное достоинство — он совершенно трезв. Холодный логик Пестель выбирал наиболее прямой, не отягощенный никакими побочными, — прежде всего нравственными, — соображениями путь к цели. Так было с идеей поголовного уничтожения императорской фамилии. Так было с идеей «окончательного решения» кавказской проблемы.

Пестель представил без обиняков чисто имперскую государственническую точку зрения. И обосновал ее системой аргументов: 1. Необходимость защититься от набегов. 2. Необходимость нейтрализовать постоянный очаг нестабильности на южной границе. 3. Необходимость обеспечить безопасность азиатской торговли России (здесь явно маячит тень Петра I с его каспийско-индийским проектом). 4. Необходимость рационально использовать природные условия, которыми не умеют пользоваться «полудикие народы» Кавказа.

Последний пункт очень характерен: оправдание безжалостного отношения к горцам — уверенность в их хозяйственной и гражданской неполноценности (точка зрения, вполне совпадающая с ермоловской). И с этой точки зрения они совершенно незаконно занимали земли, которые могли быть использованы с пользой для государства.

Это вовсе не противоречит тезису Покровского о неколонизационном смысле завоевания Кавказа. Собственно

кавказские земли не были столь обширны, чтобы приобретение их стоило таких колоссальных жертв и затрат. Главный смысл — ликвидация горских племен как военно-политического фактора. (Ермолов за несколько лет до Пестеля писал о развращающем примере горской свободы на Россию.) Для Пестеля в его расчисленном и жестко организованном государстве принципиально недопустимо само существование фактически в пределах империи — после присоединения Грузии — вечно кипящего кавказского котла, где население живет по собственным нерациональным правилам, чуждым пестелевской утопии.

Думаю, что Пестеля безумно раздражала романтизация Кавказской войны, игравшая не последнюю роль в психологической атмосфере завоевания.

Такова была «оправдательная доктрина» Пестеля. Для него над тактической прагматикой высоко возвышалась генеральная идея *государственной пользы*. И здесь непримиримый враг самодержавия оказался самым последовательным учеником Петра. Но даже современное ему самодержавное государство не могло позволить себе до поры — до разгрома Черкесии в 1864 году — ни подобных деклараций, ни подобных действий. Пестель же бестрепетно записывает план уничтожения — тем или иным способом — целых народов в документ, который он собирался предъявить всему миру.

Хотя политика николаевского правительства на Кавказе большую часть царствования и была в основных чертах попыткой реализовать идеи Пестеля, но попыткой компромиссной, непоследовательной, половинчатой. Отсюда следовали и вполне плачевные результаты.

С екатерининских времен, когда резко возросла российская активность на южных рубежах, индугенцией для жестких действий против горцев, идеологической мотивацией была защита единой Грузии.

В известном манифесте Александра I от 12 сентября 1801 года, которым было узаконено вхождение Грузии в состав империи, согласие императора на этот акт обосновывалось исключительно необходимостью спасти христианский народ от истребления «хищными соседями», что имело под собой вполне реальную основу^[6]. Отсюда естественным путем вытекала и логика действий против этих соседей. Но у Пестеля этот гуманистический мотив даже не упоминается. Он в нем не нуждался. Пестель, фигура сколь замечательная, столь и опасная, честно сформулировал позицию группы

дворянства, наиболее последовательной в своем героическимперском устремлении. В предвкушении государственного переворота, ориентированного на революционную диктатуру, дающую победителям неограниченные права, он вслух произнес то, что другие, существующие в традиционно-официальном контексте, сказать просто не решались.

Но Пестель и его радикально-имперские единомышленники (главным образом, вне Тайного общества) были явным меньшинством. Большинство — и практики-завоеватели, и публицисты-государственники — жаждало осознания нравственной цели Кавказской войны — крупной, ясной, исторически обоснованной, которая оправдала бы огромные жертвы, и уже понесенные, и те, что предстояло понести в будущем. В противном случае в русском общественном сознании рано или поздно образовалась бы болезненная сфера, порождаемая непониманием и ощущением неоправданности жертв и усилий.

Есть редкие, но явные свидетельства, что люди, особенно чуткие к этой стороне исторического процесса, внимательно следили за происходящим. В 1852 году Чаадаев запрашивал московского почтмейстера А. Я. Булгакова:

«Не можете ли вы прислать мне ненадолго письмо главного наместника (М. С. Воронцов. — *Я. Г.*), в котором он вам сообщает о бегстве Хаджи-Мурата и его смерти. Эта новость, не могущая появиться в газетах, очень важна и подробности ее чрезвычайно любопытны»^[7].

В правомочности и неизбежности завоевания Кавказа сомнений не возникало, но потребность в стройной и убедительной оправдательной доктрине безусловно была.

Автор первого обзорного сочинения, вышедшего в Петербурге в 1835 году, в котором сделана была попытка дать общую картину военных действий на Кавказе и в Закавказье первой трети XIX века, Платон Зубов (не путать с фаворитом Екатерины II) в прологе пытался сформулировать такую идею:

«Исполнители великих намерений российского Монарха, они (русские генералы. — *Я. Г.*) извлекли Грузию и сопредельные ей земли, подвластные Российскому скипетру за Кавказом, из страшного анархического состояния; создали их благоустройство, политическую свободу, неприкосновенность собственности; озарили просвещением и гражданственностью; дали способ России предвидеть важные выгоды от ее Закавказских владений и

заставили Персию и Азиатскую Турцию трепетать Российского оружия»^[8].

«Важные выгоды» здесь вполне гипотетичны — недаром их можно только «предвидеть». Тем более что манифестом от 12 сентября 1801 года Александр пообещал грузинам: «Все подати с земли вашей повелели мы обращать в пользу вашу», то есть все налоги, собранные на новых землях, на этих землях и остаются. «Трепетать» Персию и Турцию можно было заставить — и заставляли! — и не присоединяя Грузию. Этот «трепет» отнюдь не был самоцелью.

Центральная идея здесь — чисто благотворительная: спасение, благоустройство и просвещение единоверного народа. Исполнение христианского долга. Действия в Закавказье и — неизбежно — на Кавказе оказывались новым крестовым походом...

Через шестьдесят с лишним лет, после окончания войны, этот религиозно-благотворительный аспект ретроспективно сформулировал Данилевский:

«Мелкие христианские царства еще со времен Грозного и Годунова молили о русской помощи и предлагали признать русское подданство. Но только император Александр I, в начале своего царствования, после долгих колебаний, согласился наконец исполнить это желание, убедившись предварительно, что грузинские царства, донельзя истомленные вековой борьбой с турками, персиянами и кавказскими горцами, не могли вести долее самостоятельного существования и должны были или погибнуть, или присоединиться к единоверной России. Делая этот шаг, Россия знала, что принимает на себя тяжелую обузу, хотя, может быть, не предугадывала, что она будет так тяжела, — что она будет стоять ей непрерывной шестидесятилетней борьбы. Как бы то ни было, ни по сущности дела, ни по его форме, тут не было завоевания, а было подаяние помощи изнемогавшему и погибавшему»^[9].

Но все это формулировалось постфактум. А в разгар изнурительной войны идея крестового похода, сопряженного с такими жертвами и усилиями, была уже недостаточна. В первое десятилетие XIX века мощная инерция имперского строительства, рывка России на юг в Причерноморье, подвиги в этом направлении Румянцева, Суворова и Потемкина, воспитанниками которых были генералы-завоеватели этого периода, заменяли идеологию войны. Позже энтузиазм, рожденный подавлением Польши, во время которого и прославился первый покоритель Кавказа князь

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.